

г. Берга даже некоторую важность; наконец, любовь к своему делу, с чрезвычайным жаром высказывающаяся в длинном предисловии, заставляет нас кончить желанием, чтоб г. Берг в дальнейших переводах своих, внимательнее познакомившись с характером лучших подобных сборников в разных литературах и усвоив себе правила, которыми руководствовались их составители, дал русской литературе книгу, достойную похвалы не только по любви автора к своему делу, но и по прекрасному исполнению дела.

1854 г.

⟨ИЗ № 1 „СОВРЕМЕННОГО“⟩

Габриэль. Комедия в пяти действиях, в стихах.
Сочинение Эмиля Ожье. Перевод И. Крешева. Спб. 1853.¹

Благодаря прекрасной игре г-ж Вольнис и Плесси, пьеса эта имела продолжительный успех на Михайловском театре; но сама по себе она произведение очень посредственного достоинства. Тема ее довольно избитая: оставляя жену скучать, муж рискует очень многим, и если не хочет потерять ее любви, должен заниматься не одними своими делами, а уделять и для жены несколько свободных минут. Развязка (за которую Ожье получил Монтионовскую премию, будто бы за какой-нибудь похвальный поступок) во всегдашнем вкусе и комедий и водевилей: возвращение заблуждавшихся на прямой путь и торжество всего хорошего. Ни драматического развития, ни удачно очерченных лиц мы не могли найти в «Габриэли», которую играли и, может быть, играют единственно за недостатком лучшего: среди несносно дурного сносное кажется хорошим, превосходным, и «Габриэль» много выигрывает, будучи сопровождаема жалкими водевилями. Скучно было бы подробно разбирать эту пьесу, которой содержание мы предполагаем более или менее известным, и потому ограничимся несколькими словами о том, каково изображен характер главного лица — самой Габриэли; по Габриэли можно судить и о других лицах комедии.

Ясно, что Ожье хотел представить Габриэль женщиною, достойною любви такого превосходного человека, как Жюльен, муж ее; ясно, что он хотел представить ее заслуживающею нашего уважения, нашей симпатии. Такою и является она в патетических сценах, которыми заключается пьеса. Но посмотрите, как ничтожна, как пуста является она в начале пьесы:

Жюльен занят своими тяжёбными делами (он адвокат) и устройством будущности своей милой жены, своей милой дочери; он говорит об этом с Габриэлью. Габриэль и не слушает его: она мечтает о любви, она тоскует о том, что муж из-за дел забывает о ней. Прекрасно; но заботится ли она сама о муже, думает ли

о чем-нибудь, кроме романтических до пошлости прогулок при свете луны? Нет! она только бранит его за то, что он принес в приемную комнату свои «сальные бумаги» (вероятно, для того, чтобы посидеть вместе с нею); у мужа на рукаве оторвалась пуговица, он просит жену пришить ее — Габриэль отвечает, что завтра позовет швею. Прачка приносит белье — Габриэль отправляет ее к ключнице: ей низко самой заниматься хозяйством; муж просит ее позаботиться о любимых кушаньях для дяди, которого ждет он в гости, — Габриэль отвечает:

«В такие мелочи мешаться вам не след»

и продолжает мечтать, как хорошо было бы, если бы они с мужем продолжали (через десять или восемь лет после свадьбы) перекидываться томными взглядами à la Манилов и прогуливаться при свете вечерней зари, как влюбленные, не выдавшие целую неделю:

«Я на руке его повисла б нежно, он
Замедлил бы шаги вслед за моею ленью,
Мы предавались бы восторгам, упоенью,
Наш восхищенный взор блуждал бы в синеве
Небес...»

Вспомните, что у Габриэли уже дочь семи или девяти лет, и вы невольно скажете: какая пустая и пошлая женщина эта Габриэль!

И отчего все это произошло у Ожье? Ему надобно было изобразить тоску жены, покидаемой, забываемой мужем.

С таким же искусством обрисовано у него всё. Но, повторяем, большая часть пьес современного французского репертуара еще гораздо ничтожнее «Габриэли»; потому неудивительно, если она производила на сцене эффект, когда талантливые актеры поддерживали ее своею игрою.

Перевод г. Крешева довольно хорош, хотя и можно указать множество мест, на которых спотыкаешься при чтении.

⟨ИЗ № 4 „СОВРЕМЕННОКА“⟩

Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. Книги второй половины вторая. Москва. 1854¹.

Карамзин думал, что история России до Иоанна III представляет очень мало интересного и мыслителю, и простому читателю, что поэтому едва ли не было бы лучше для историка решиться представить ее в сжатом очерке, не вдаваясь в подробности, бесцветные и утомительные, ограничиваясь только общими картинами событий и нравов. История России начинается только с Иоанна III, думал он; и если бы не чрезвычайная забота его об